

ПИСЬМО БЛОКА К Р. С. ЕЛЬЦИНОЙ О Н. А. КЛЮЕВЕ

Публикация Н. В. Ельциной и А. И. Клибанова

24 февраля 1909 г. Галерная 41, кв. 4

Многоуважаемая Розалия Семеновна.

Позвольте предложить Вам еще одно мое стихотворение. Кстати, я задолжал «Бодрому слову» — 1 р.

Прилагаемые 3 стих. (одно — собственноручное, а другие два — переписаны) принадлежат крестьянину Николаю Ключеву, которого, если Вы помните, начал печатать Виктор Сергеевич. Теперь Ключев постоянно переписывается со мной и через меня — с Виктором Сергеевичем, а стихи свои посылает мне с просьбой печатать. Выберите из этого, что найдете подходящим, и вышлите ему, какой назначите гонорар, по адресу: Олонецкая губ., Вытегорский у., ст. Мариинская, деревня Желвачева, Н. Ключеву.

Если переведете и мне гонорар за прилагаемое стих. (за вычетом 1 р.), буду очень благодарен Вам.

Журнал получаю — спасибо.

С искренним уважением Александр Блок

Печатается по оригиналу, сохранившемуся в семье Н. В. Ельциной — дочери адресата.

В 1909 г. Блок опубликовал три своих стихотворения в журнале «Бодрое слово»: в № 1 — «Я знаю день моих проклятий», «В день холодной, в день осенний» и в № 7 — стихотворение «Встреча». Расчеты Блока с редакцией «Бодрое слово» (я задолжал «Бодрому слову» — 1 р.) относятся к стихотворениям, опубликованным в первом номере журнала, а «прилагаемое» — и есть «Встреча». Это стихотворение в т. III напечатано без названия и датируется 1 марта 1909 г., что ошибочно, поскольку приложено оно было к письму от 24 февраля 1909 г. Текст стихотворения по публикации в журнале и в восьмитомном собрании сочинений Блока разночтений не имеет. Но два первые из названных стихотворений, публикуемые в восьмитомном собрании со ссылкой на «Бодрое слово», содержат разночтения, во втором стихотворении — значительные, восходящие к другой редакции.

Стихотворение «Я знаю день моих проклятий. . .», строфа первая: (разночтения выделены курсивом):

«Бодрое слово»

III, 188

Я знаю день моих проклятий,
Бегу в мой *обветшалый* скит,
Я вырываюсь из объятий —
Но он распутье сторожит.

Я знаю день моих проклятий,
Бегу в мой *довременный* скит,
Я вырываюсь из объятий,
Но он — распутье сторожит.

То же стихотворение, строфа последняя:

«Бодрое слово»

III, 188

И весь измучен, в иступленьи,
Я к миру возвращаюсь вновь —
На *безысходные* мученья,
На безысходную любовь.

И, весь измучен, в иступленьи,
Я к миру возвращаюсь вновь —
На *безысходное* мученье,
На безысходную любовь.

В журнальной публикации стихотворения «В день холодный, в день осенний. . .» отсутствует строфа третья:

Злые времена законы
Усыпили скорбный дух.
Прошлый вой, былые стоны
Не услышишь — я потух.

Строфа вторая:

«Бодрое слово»

Я приду и не заплачу,
Вспоминая, не сгрюю.
Встречу песней — наудачу
Поздней осени зарю.

III, 86

Я приду — и не заплачу,
Вспоминая, не сгрюю.
Встречу песней наудачу
Новой осени зарю.

Строфа последняя:

«Бодрое слово»

Твой огонь — слепые очи
Не прожжет слезой былой:
Ясный день — темнее ночи
Усыпленному душой.

III, 86

Самый огонь — слепые очи
Не сожжет мечтой былой.
Самый день — темнее ночи
Усыпленному душой.

Сотрудничество Блока в журнале «Бодрое слово» имеет отношение к общественной биографии поэта. Как видно из его письма к Р. С. Ельциной, адресат и корреспондент связаны каждый с Виктором Сергеевичем Миролюбовым. После цензурных преследований, оборвавших издание «Ежемесячного журнала», В. С. Миролюбов продолжал свое издание под разными названиями. Среди изданий, наследовавших «Ежемесячный журнал», наиболее устойчивым оказался «Трудовой путь», в котором сотрудничала Р. С. Ельцина, где она несла примерно те же функции, что и позднее в «Бодром слове», в частности, ведала деловыми отношениями с авторами. Сохранилось маленькое письмо (на бланке денежного отправления) Р. С. Ельциной — Н. А. Рубакину, написанное от редакции «Трудового пути» и датированное 9 ноября 1907 г. (ГБЛ, ф. 358, карт. 226, ед. хр. 48, л. 1).

Когда Миролюбов под угрозой судебного преследования вынужден был весной 1908 г. уехать за границу, эстафету его изданий приняло «Бодрое слово», начавшее выходить с октября 1908 г. Возглавлял журнал И. М. Бикерман. Однако в издание его большую долю участия вносила Р. С. Ельцина, стремившаяся актуализировать содержание журнала и привлечь к сотрудничеству в нем талантливых авторов. В журнале публиковались статьи о текущем стачечном движении (например, «Трамвайная забастовка и городские заправилы» в № 12 за 1909 г.). Под рубрикой «Очерки русской жизни» была помещена, в частности, статья «Отщепенцы в квадрате», направленная против Г. П. Струве и Н. А. Бердяева (№ 8 за 1909 г.). Направление журнала красноречиво характеризуют преследования, которым он подвергался со стороны цензуры, а потом и петербургского градоначальника. Когда в № 1 журнала за 1910 г. появился перевод статьи Аргура Дрекса о Христе, цензор усмотрел в этом «глумление над Христом-Спасителем, а с другой стороны — полное отрицание его, как сына божия» и потребовал «привлечь виновных к судебной ответственности». (ЦГИА, ф. 776, оп. 9, ед. хр. 1930, л. 8—8 об.). В данном случае инициатива цензуры не возымела успеха и была немедленно возобновлена ею в связи со статьей о А. И. Герцене, опубликованной в № 2 журнала за 1910 г. На вопрос, «чем славны имена наших выдающихся борцов», автор статьи о Герцене отвечал: «претерпенными муками — Шлиссельбургом, Алексеевским равелином, „мертвым домом“ — словами, вызвавшими приступ ярости у цензора, обратившегося к петербургскому градоначальнику с очередным доносом на журнал. Цензор писал: «На что могут они (авторы статей в «Бодром слове») вдохновлять наше юношество? На мрачные тяготы, на тягостные жертвы и т. д.» (там же, л. 15—15 об.).

Свое дело цензура сделала. Апрельский (восьмой) номер журнала «Бодрое слово» оказался его последним номером.

Блок ценил прогрессивное издание: «Журнал получаю — спасибо». И, как видим, перенес свои литературно-журнальные связи и на «Бодрое слово», когда миролюбовские журналы, в которых он участвовал, были закрыты.

Конечно, содержание журналов определяется общественными позициями их редакторов, издателей, авторов. Левонародничество Миролюбова не предохранило его издания от досадных срывов и распылчатого объективизма. Так было, например, с опубликованием статьи в защиту «христианского социализма» на страницах «Журнала для всех». Она вызвала прочтест передовых писателей, в том числе В. В. Вересаева и А. С. Серафимовича, предупредивших Миролюбова, что в случае дальнейшего опубликования статей, «развращающих и одурманивающих народ», они перестанут сотрудничать в его журнале.

Общественное направление «Бодрого слова», в свою очередь, не обошлось без левонароднических мотивов. «Бодрое слово», как и журналы Миролюбова, ориентировалось главным образом на читателя из интеллигенции и все же отличалось гражданственностью, бескомпромиссностью не только по отношению к самодержавию, но и к перебежчикам из лагеря марксизма в лагерь реакции. Достижения журнала не в последней степени связаны с именем Розалии Семеновны Ельциной (урожденной Комаровской, 1879—1933), активной участницы революционного движения. С 1900 года Р. С. Комаровская связала свою жизнь с Владимиром Михайловичем Ельциным, юристом по образованию и профессиональным революционером, членом социал-демократической организации с 1899 г. Она делала опы-

тания, выпавшие на долю мужа — привлечение его по делу Казанской демонстрации 1901 г. в Петербурге, через год — за революционную деятельность в Екатеринославле, а еще год спустя — по делу Петроградского комитета РСДРП(б) (ГБЛ, ф. 648 (А. И. Клибанова). Справка Государственного Музея Революции № 810 от 5 марта 1930 г.).

Политическая «неблагонадежность» послужила причиной тому, что Р. С. Ельцина не могла получить высшее образование в России. Она поступила на факультет естественных наук университета в Монпелье, но, вернувшись на родину, нашла применение своим силам не в специальности, а в передовой журнальной периодике, где и проявила незаурядные энергию, увлеченность и организационные способности.

Знаком ли был лично Блок с Р. С. Ельциной? Как-то получилось, что об этом мы ее не спросили, а она, если не изменяет память, о встречах с Блоком не рассказывала. Из публикуемого письма следует, что знакомство было относительно давним и едва ли только заочным. Блоку могли импонировать не только прогрессивное направление журнала, но и его соиздательница, принадлежавшая к одному с поэтом поколению, — прямая, деятельная, идейная, уже успевшая вкусить и радость борьбы, и горечь преследований.

Главное в письме Блока Ельциной — забота о напечатании в «Бодром слове» стихов Николая Клюева, из которых три («одно — собственноручное, а другие два переписаны») приложены были к письму. Стихи нашли место на страницах «Бодрого слова».